

Е. И. ПОПОВА

США И ВАШИНГТОНСКИЙ ДОГОВОР ЧЕТЫРЕХ ДЕРЖАВ

Из семи договоров, заключенных на Вашингтонской конференции 1921—1922 гг.¹, трактат четырех держав остается наименее изученным, а оценка его — особенно спорной. До сих пор гораздо больше внимания уделялось изучению договора о морских вооружениях и соглашения о Китае. Что же касается договора четырех держав, то он рассматривался преимущественно в плане исследования действий английской или японской дипломатии² и почти не освещался как этап в развитии американской политики на Дальнем Востоке.

В настоящей статье ставится задача показать, что значение договора четырех держав состояло не только в ликвидации англо-японского союза³. Договор воплощал гораздо более широкий замысел. Он представ-

¹ Трактат четырех держав, примыкающие к нему декларация и дополнительный договор, договоры пяти держав об ограничении морских вооружений и о защите нейтральных судов, договоры девяти держав о принципах политики в Китае и о китайском таможенном тарифе.

² А. Л. Гальперин. Англо-японский союз. 1902—1921. М., 1947; И. М. Лемин. Внешняя политика Великобритании от Версаля до Локарно. 1919—1925. М., 1947; В. Я. Аварин. Борьба за Тихий океан. М., 1952; Ф. Д. Волков. Крах английской политики интервенции и дипломатической изоляции Советского государства. М., 1954; «Международные отношения на Дальнем Востоке». М., 1956.

³ Эта традиционная оценка господствует в американских и английских буржуазных исследованиях: W. Willoughby. China at the Conference. A Report. Baltimore, 1922; A. Griswold. The Far Eastern Policy of the United States. New York, 1938; T. Millard. Conflict of Policies in Asia. London, 1924; A. Kane. China, the Powers and the Washington Conference. Shanghai, 1937 etc. Несколько по-иному освещают этот вопрос книга В. Л. Буелл. The Washington Conference. New York — London, 1922, отразившая изоляционистскую точку зрения, и работы японских авторов: К. Кавакामी. Japan's Pacific Policy Especially in Relation to China. The Far East and the Washington Conference. New York, 1922; J. Jchihashi. The Washington Conference and After. Stanford, 1928. В новейшем американском исследовании — J. Vinsion. The Parchment Peace. The United States Senate and the Washington Conference, 1921—1922. Athens, 1955, основанном на архивных материалах как государственных, так и частных (архивы Юза, Рута, сенаторов Бора, Лоджа, Уолла и др.), показана связь договора с американскими планами создания новой Лиги наций, и он выделяется как главный среди всех соглашений Вашингтонской системы.

Некоторые советские историки, разоблачавшие империалистический характер Вашингтонской системы в целом, также видели значение договора четырех только в том, что он «похоронил» англо-японский союз. См., например, Л. Берлин. Пре-

лял собой попытку США создать блок четырех наиболее мощных тогда в военном отношении империалистических государств (США, Англии, Франции, Японии) для совместных действий в районе Тихого океана. Этот блок имел бы отнюдь не региональное значение потому, что был направлен против Советской России и освободительного движения китайского народа, а также потому, что являлся составной частью выдвигавшегося в 1920—1921 гг. американского плана установления мировой гегемонии США путем создания «Ассоциации наций».

План создания «Ассоциации наций» был тесно связан с вопросом об определении главного направления и основных методов внешней политики страны. Он возник в переломный для США момент, когда после сокрушительного поражения Вильсона правящие круги искали новых путей экспансии. Эти поиски нашли свое отражение в острой борьбе, разгоревшейся вокруг договора четырех держав в прессе, в «мозговом тресте» монополий — Совете по международным отношениям⁴ и особенно в сенате США. В связи с этими прениями вновь вспыхнула борьба между «изоляционизмом» и «вильсонизмом», развернулись дебаты о главной линии во внешней политике США. Таким образом, изучение договора четырех в плане американской политики позволяет более полно установить его подлинное содержание, место в Вашингтонской системе и одновременно выяснить некоторые принципиальные основы внешней политики американского империализма, сохраняющие свое значение и в наши дни.

* * *

После поражения президента Вильсона в первом туре борьбы за мировую гегемонию американская буржуазия произвела своего рода «смену вех». Вместо демократической партии к власти пришла республиканская. Новая администрация во главе с президентом Гардингом объявила о разрыве с «вильсонизмом», отказалась от главного внешнеполитического лозунга — Лиги наций — и выдвинула в качестве своего знамени во внешней политике изоляционизм.

США отказались участвовать в работе Лиги, отвергли предложения о посылке своего представителя в Международный суд, созданный при содействии госдепартамента в 1920 г. В 1921 г. представители США ушли из союзнического Верховного совета, с конференции послов Антанты и из репарационной комиссии. США ввели практику назначения в эти органы и на различные международные конференции не полномочных делегатов, а наблюдателей, которые, впрочем, закулисным путем оказывали заметное влияние на решения союзников. Официальная пропаганда объясняла эти изменения в отношениях с Антантой «незаинтересованностью» США в европейских делах, нежеланием их «впутываться» в конфликты и интриги европейских политиков.

Изоляционизм широко рекламировался как полный разрыв с неудачной дипломатией Вильсона и возвращение к «нормальным», «традиционным» методам внешней политики.

В действительности так называемый поворот к изоляционизму означал лишь изменение в тактике США и был вызван не подлинным стремлением к невмешательству, а невозможностью навязать европейским со-

дисловие к сборнику документов «Вашингтонская конференция». М., 1924; Л. Н. Иванов, П. И. Смирнов. Англо-американское морское соперничество 1916—1931 гг. М., 1933; А. Канторович. Америка в борьбе за Китай. М., 1935.

⁴ Совет по международным отношениям состоит из дипломатов, финансистов и экспертов, часто занимавших в прошлом крупные официальные посты и сохранивших связи с госдепартаментом. Совет является рупором крупнейших монополий и активно участвует в выработке внешнеполитического курса.

перникам свою программу. Это обнаружилось еще в Версале. Такое же соотношение сил сохранялось и в первые послевоенные годы⁵.

Изоляционизм не был продиктован стремлением к изоляции. Администрация Гардинга доказала это первыми же своими действиями, не только активизировав политику прямого вмешательства в дела Латинской Америки, Китая и других слабых в то время стран, но и продолжив главный курс — на установление мирового господства США. Сразу после поражения 1920 г. американский империализм начал поиски новых путей к «руководству миром», выдвинув идею создания «Ассоциации наций», замененную позже предложением о созыве Вашингтонской конференции.

Из выступлений лидеров республиканской партии, многих изоляционистов, самого правительства Гардинга было видно, что они отвергают Лигу наций не в принципе, а лишь как организацию, попавшую под контроль Англии и Франции. Выдвигались различные проекты реорганизации Лиги, чтобы обеспечить в ней ведущую роль США. На конференции республиканской партии в Чикаго (1920 г.) видные лидеры республиканцев Тафт, Юз, Рут отстаивали план преобразования Лиги наций. В противоположность им сенаторы Крейн и Уайт в течение двух дней упорно добивались принятия конференцией резолюции о поддержке Лиги. В выработанной в конечном счете платформе республиканская партия заняла отрицательную позицию в отношении существовавшей Лиги, но одновременно предложила создать «Международную ассоциацию», которая созывала бы международные конференции в случае «угрозы миру»⁶. Пресса США повела кампанию за присоединение к Лиге при условии ее реорганизации. В пяти больших статьях, подписанных «Республиканец, сочувствующий Лиге», «New York Times», отражавшая программу демократической партии, утверждала, что США могут преодолеть те препятствия, перед которыми капитулировал Вильсон⁷. Газета республиканцев «New York Herald» также высказывалась в пользу «Ассоциации наций, созданной на более здоровой основе», чем Лига наций⁸. «Они собираются уничтожить Лигу наций и учредить насквозь американскую ассоциацию с полным преобладанием Соединенных Штатов», — говорил об этих планах один из ораторов в Лиге⁹.

Во время кампании по выборам президента в 1920 г. Гардинг выступал с весьма противоречивыми заявлениями о своем отношении к Лиге наций, по существу вовсе не отказываясь от вильсоновского замысла использовать Лигу как главное средство достижения мировой гегемонии США. В августе 1920 г. будущий президент составил при помощи известных антивильсоновистов Дж. Харви и Р. У. Чайльда план «объединения свободных наций». На совещании ведущих деятелей республиканской партии, созванном после избрания президента, Юз, Харви, Фолл и большинство участников высказались за создание «Ассоциации наций», которая, однако, в отличие от Лиги наций должна была обеспечить достаточный удельный вес и влияние США. В связи с этим был поднят вопрос о созыве в Вашингтоне конференции «всех наций мира»¹⁰. В декабре 1920 г. один из лидеров республиканцев Н. М. Батлер, консультируя Гардинга

⁵ «Союзники проявляют все усиливающуюся тенденцию игнорировать наши взгляды», — писал, например, государственный секретарь Колби 10 февраля 1921 г., мотивируя этим отказ от участия в репарационной комиссии. — «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States» (далее — FR), 1921, vol. I, p. 6. Госдепартамент разъяснял, что участие США в международных организациях с англо-французским большинством означает лишь санкцию самых невыгодных для Америки решений. — Ibid., p. 7—17.

⁶ J. Vinson. The Parchment Peace, p. 37—40.

⁷ «New York Times», 24—30.I.1921.

⁸ «New York Herald», 6.II.1921.

⁹ «Literary Digest», 1.X.1921, p. 7.

¹⁰ J. Vinson. The Parchment Peace, p. 70—72.

по вопросам внешней политики в его доме в Марионе (Огайо), снова выдвигал задачу создания «Ассоциации наций»¹¹.

В январе 1921 г. Гардинг заявил, что создание «Ассоциации наций» является основной целью внешней политики США. Он наметил для этой ассоциации весьма обширные функции: кодификация международных законов, учреждение международного суда, созыв международных конференций «для улаживания конфликтов между нациями»¹². В правительственных кругах, писала «New York Herald», обсуждается вопрос, «является ли наиболее рациональным стремиться к реорганизации существующей Лиги или следует создать новую организацию»¹³.

В президентском послании конгрессу от 12 апреля 1921 г. Гардинг высказывался за создание нового «инструмента справедливости». «Отвергая устав Лиги..., мы не отказались от надежды создать ассоциацию для поддержания мира... Наши обязательства по установлению спокойствия в Европе, вытекающие из нашего участия в войне, не менее настоятельны, чем было само наше участие в войне». «Объединение наций» объявлялось Гардингом «высокой привилегией» и «первостепенным долгом» США¹⁴. В течение всего 1921 г. советники Гардинга и руководители республиканской партии продолжали высказываться в пользу создания «Ассоциации наций». Было выдвинуто предложение выработать устав этой организации, положив в основу Декларацию независимости и конституцию США¹⁵.

Таким образом, факты показывают, что новая, «антивильсоновская» администрация, едва придя к власти, принялась за разработку по сути дела того же вильсоновского плана «руководства миром», наметив в качестве основного пути создание «Ассоциации наций», где США играли бы главную роль. Однако после урока, полученного Вильсоном, этот план выдвигался с большой осторожностью, в самых общих чертах, а вскоре правительство вынуждено было отказаться от него, сильно урезав и связанный с ним проект проведения Вашингтонской конференции.

Непосредственной причиной отказа от плана создания «Ассоциации» и замены его более замаскированным и умеренным предложением о созыве конференции было выдвижение так называемыми «непримиримыми изоляционистами» идеи созыва международной конференции по ограничению вооружений. 14 декабря 1920 г. сенатор Бора внес предложение о созыве конференции трех держав — США, Англии и Японии — с тем, чтобы договориться о сокращении на 50 процентов программы морского строительства в течение ближайших 5 лет.

Вокруг весьма скромного предложения Бора была поднята большая рекламная кампания. Появились тысячи петиций. Печатались целые столбцы писем выдающихся людей, высказывавшихся за разоружение.

Если участники различных массовых организаций, поддерживая предложение Бора, видели в нем путь к подлинному разоружению, то глашатаи монополий, возглавившие кампанию («непримиримые изоляционисты», преобладающая часть представителей буржуазной прессы и даже ряд вильсоновистов в лице, например, генерала Таскера Блисса, генерала Першинга и др.), использовали ее в своих целях. Они рассматривали «разоружение» как способ контроля США над военными приготовлениями конкурентов — Англии, Японии, Франции.

Сторонники плана ограничения вооружений противопоставляли его проекту «Ассоциации наций» лишь потому, что «Ассоциация» могла оказаться столь же неудачной (т. е. не обеспечивающей лидерство США), как и Лига наций. В области же вооружений США, спираясь на свой эко-

¹¹ J. Vinson. The Parchment Peace, p. 141.

¹² «New York Times», 12.I.1921.

¹³ «New York Herald», 12.III.1921.

¹⁴ FR, 1921, vol. I, p. XVII—XX.

¹⁵ J. Vinson. The Parchment Peace, p. 141; Congressional Record (далее — CR), vol. LXII, pt. 4, p. 4010.

номический потенциал, могли диктовать конкурентам собственные условия и, во всяком случае, приостановить их морское строительство под угрозой непосильной для Англии и других государств гонки в строительстве военных кораблей.

Под давлением организованной крайними изоляционистами кампании правительство Гардинга начало склоняться к компромиссу. Появились заявления, что создание «Ассоциации наций» и ограничение вооружений тесно связаны между собой. В январе 1921 г. Гардинг сообщил, что «предложения по разоружению будут фигурировать, без сомнения, в связи с планом создания Ассоциации наций»¹⁶. В речи перед конгрессом в апреле 1921 г. Гардинг утверждал, что будущая «Ассоциация наций» обязана прежде всего решить проблему сокращения вооружений, но при этом США должны позаботиться о своем превосходстве на море¹⁷. В конце концов было решено заменить откровенно империалистический план создания «Ассоциации» созывом менее претенциозной конференции по ограничению вооружений.

Однако главной причиной замены плана создания «Ассоциации наций» соглашениями Вашингтонской конференции было сопротивление других империалистических держав, прежде всего Англии, — все то же сопротивление, которое разрушило и вильсоновские планы создания послушной Соединенным Штатам Лиги наций.

В дипломатической переписке с Англией, а затем и с другими державами летом 1921 г. США, выдвигая предложение о созыве конференции в Вашингтоне, не выделяли специально дальневосточные и тихоокеанские проблемы. Вопрос был поставлен шире, фактически в масштабе всего мира. Конференция должна была рассмотреть вопрос об ограничении вооружений ряда стран на море, на суше и в воздухе, обсудить вопрос о политике в отношении Советской России, о распределении мандатов на колонии, вопросы политики в Китае, выработать не только те или иные конкретные решения, но и принципы совместной международной политики империалистических держав¹⁸. В американском предложении явно сквозило желание взять в свои руки решение всех мировых вопросов, обходным путем провести план создания «Ассоциации наций».

Англия выдвинула контрпредложение — созвать более узкую конференцию, посвященную только дальневосточным и тихоокеанским вопросам. В ответ на решительный отказ США сузить повестку дня английское правительство предложило обсудить тихоокеанский вопрос в первую очередь, притом на отдельном предварительном совещании трех держав — США, Англии и Японии, которое должно состояться в Лондоне. Англия настаивала на своем предложении с величайшим упорством вплоть до самого открытия конференции¹⁹.

Цель Англии состояла в том, чтобы помешать США играть руководящую роль в решении мировых проблем, отвлечь внимание Америки такими вопросами, как англо-японский союз, политика «открытых дверей», сферы влияния в Китае и т. д. Английские государственные деятели при этом хотели поставить Гардинга и Юза перед объединенным фронтом Англии и Японии, которые по указанным конкретным вопросам имели общие интересы. Не случайно Англия решительно возражала против привлечения других стран, которые могли бы изменить соотношение сил, поддержав США, в то время как США, наоборот, ставили вопрос о расширении состава участников конференции.

Франция выступала против плана создания «Ассоциации» как одна из главных руководительниц Лиги наций и Версальской системы. Француз-

¹⁶ «New York Times», 15.I.1921.

¹⁷ J. Vinson. The Parchment Peace, p. 76—77.

¹⁸ FR. 1921, vol. I, p. 18, 23, 31, 38, 67, 82.

¹⁹ Ibid., p. 49—46, 53; «Times», 24.VI, 12.VII, 15.VIII.1921.

ская пресса с возмущением писала, что если каждый новый президент США будет создавать свою международную организацию, то наступит царство полного произвола Америки²⁰.

Япония также возражала против американского плана. В отличие от Англии она не могла претендовать на мировую гегемонию, а стремилась к господству в Восточной Азии. Поэтому, соглашаясь на созыв конференции по ограничению вооружений и формулированию общих принципов, японское правительство предлагало «тщательно избегать» обсуждения «проблем... представляющих индивидуальный интерес для некоторых отдельных стран, или таких дел, которые могут рассматриваться как совершившиеся факты»²¹. И на этот раз, как обычно, японские правящие круги пустили в ход безотказно действовавший аргумент об особой роли Японии на Дальнем Востоке в борьбе против «опасности большевизма» в Китае, Корее и т. п.²²

Учитывая эти требования Англии, Франции и Японии, США пошли на компромисс. Было решено, что конференция рассмотрит как вопросы разоружения, так и дальневосточные проблемы, причем круг этих вопросов не был точно очерчен. Не исключалась возможность создания в замаскированной форме «Ассоциации», хотя бы только в районе Тихого океана. Соединенным Штатам пришлось пойти на известные уступки своим партнерам, но американцам удалось добиться того, что английская идея о совещании трех держав, подрывавшая план завоевания Соединенными Штатами роли верховного арбитра, была отклонена.

Таким образом, во время переговоров, подготавливавших Вашингтонскую конференцию, выяснилось, что попытки США занять положение лидера всего капиталистического мира по-прежнему, как и в 1919 г., разбиваются о сопротивление других держав. План создания «Ассоциации» не мог быть реализован при существовавшем тогда соотношении сил. Однако в ходе переговоров была сделана отчетливая заявка США на руководящую роль в решении международных проблем. Именно из этих вновь возрождаемых планов мирового лидерства и вырос договор четырех держав, который выделяется среди других соглашений, выработанных Вашингтонской конференцией, как документ принципиального характера, сохранивший некоторые черты первоначального замысла США об «Ассоциации наций».

Значение договора четырех подчеркивается тем фактом, что он был подписан первым на конференции (13 декабря 1921 г.) и послужил исходной базой всех дальнейших переговоров. О том же свидетельствуют острота и длительность дискуссии по договору в сенате США. Ни одно из последовавших затем решений конференции не вызвало такого бурного обсуждения. Прения в сенате затянулись на три с половиной месяца и в значительной мере раскрыли «подтекст» договора. При этом многие сенаторы, представители оппозиции, указывали, что именно договор четырех держав является «краеугольным камнем здания», базой «новой политики блоков», а представители правительственного большинства, со своей стороны, утверждали, что если договор четырех будет отвергнут, то будет опрокинута и вся система, и это будет означать полный провал конференции²³.

* * *

Что же представлял собой Четверной Тихоокеанский трактат?

Договор состоял всего из четырех статей. Статья первая содержала обязательство США, Англии, Франции и Японии взаимно уважать права

²⁰ «Paris Midi», 19.V.1921 (по «New York Times», 20.VI.1921).

²¹ FR. 1921, vol. I, p. 44—45.

²² Ibid., p. 85.

²³ CR, vol. LXII, pt. 3, p. 2637; pt. 4, p. 3475, 3546, 3552, 3846, 3906, 4160.

«на свои островные владения и островные территории в районе Тихого океана», а также созывать конференцию в случае возникновения спора, касающегося этих прав. Статья вторая предусматривала, что в случае опасности «наступательных действий какой-либо другой державы», стоящей вне круга договаривающихся четырех, будет произведен обмен мнений с целью достижения соглашения «о наиболее действенных мерах, долженствующих быть принятыми... в связи с требованиями создавшегося положения». Статья третья определяла срок договора в 10 лет. Его действие могло быть автоматически продлено, если кто-либо из участников не предупредит о прекращении договора за двенадцать месяцев до истечения обусловленного срока. Наконец, статья четвертая устанавливала, что после ратификации договора четырех потеряет силу англо-японский союз (англо-японское соглашение 1911 г.)²⁴.

Формулировки договора имели весьма общий характер, а его создание было окружено величайшей секретностью. «Этот позолоченный кирпич сделан ночью..., на секретном заседании, и передан американскому народу рано утром с очевидной целью быстро продать его ничего не подозревающей публике», — заявил сенатор Рид через два дня после подписания договора²⁵. Действительно, текст соглашения вырабатывался на узких совещаниях Юза, Бальфура, Като и Вивiani, причем на первоначальной стадии от этих переговоров отстранены были даже официальные члены американской делегации — сенаторы Лодж (республиканская партия) и Андервуд (демократическая партия), что вызвало немало возмущенных и язвительных замечаний в сенате.

Если по договорам пяти и девяти держав конгрессу была представлена обширная документация, издавались коммюнике и т. п., то по договору четырех на 900 страницах протоколов конференции не было дано никаких разъяснений, «ни одного клочка бумаги», как заявляли сенаторы. Требование сената представить документы, освещающие ход переговоров, было отклонено Гардингом под тем предлогом, что все обсуждение происходило без записей и подобных документов нет в природе.

Эта таинственность свидетельствовала о желании скрыть подлинную сущность договора. С целью замаскировать его смысл настойчиво выдвигалась на первый план статья четвертая соглашения — об отмене англо-японского союза. Главные авторы договора — государственный секретарь Юз и докладчик по договору на конференции и в сенате Лодж — заявили, что ликвидация англо-японского союза не только главный пункт договора четырех, но и его единственная цель, остальные же статьи — нечто вроде украшения и серьезного значения не имеют. Сенаторы Андервуд, Келлог, Ленрут объявили ликвидацию союза основным достижением США на конференции. При этом англо-японский союз изображался главным источником военной опасности на Дальнем Востоке и серьезной угрозой для «национальных интересов» США.

С другой стороны, сенатская оппозиция («непримиримые»), которая объединила в своих рядах группу членов демократической партии (Рид, Уотсон, Джонс, Робинсон, Уолш и др.) и группу республиканцев (Бора, Лафоллет, Джонсон и др.), доказывала, что ликвидация союза не имела никакого значения и не принесла США ни малейших выгод. Они утверждали, что англо-японский блок не представлял никакой опасности для США и без всякой Вашингтонской конференции был обречен на провал; это, говорили они, доказала имперская конференция в Лондоне в июне 1921 г., когда английские доминионы выступили против возобновления договора с Японией.

²⁴ «Вашингтонская конференция по ограничению вооружений и тихоокеанским и дальневосточным вопросам». М., 1924 (далее — «Вашингтонская конференция»), стр. 72—73.

²⁵ CR, vol. LXII, pt. 1, p. 436.

Союз был, несомненно, агрессивным блоком и содействовал возникновению войн, как показала вся его история²⁶. Однако правящие круги США добивались его ликвидации не в интересах мира, а потому, что он препятствовал захватническим планам американских монополий. Речь шла не о защите национальной безопасности США, в этом отношении «угроза» была, действительно, минимальной, а о ликвидации барьера на пути наступательной политики самого американского империализма.

Начиная с предложения 1917 г. о заключении англо-американского морского договора за спиной Японии, США добивались разъединения своих соперников. В 1920 г. морское министерство США заявило, что никакие изменения в англо-японском договоре, обещанные этими двумя странами, не удовлетворят Америку и только полное расторжение союза может повлиять на сокращение американской морской программы. 1921 год заполнен секретными переговорами об англо-японском союзе, а в период Лондонской имперской конференции они дошли до кульминационной точки: в беседе с английским послом Геддесом Юз угрожал Англии признанием Ирландской республики и другими неприятностями²⁷.

Таким образом, расторжению англо-японского союза в США придавали серьезное значение, и оно было несомненным достижением для американской буржуазии.

Шумная критика этой статьи со стороны изоляционистов была вызвана главным образом стремлением «не продешевить». Многие сенаторы считали, что в других статьях договора четырех (а также и в других вашингтонских договорах) США сделали серьезные уступки Японии, а поэтому одна только ликвидация англо-японского союза является недостаточной компенсацией. Надо было внести пункт об ограничении «желтой опасности» — японской иммиграции в США, — требовал сенатор Поиндекстер²⁸. Необходимо было добиться «благоприятного решения» вопроса о Маньчжурии, КВЖД, Сахалине (т. е. потеснить здесь Японию), привлечь к блоку четырех держав другие страны, которые могли бы поддержать США, говорил в своем обращении к Совету по международным отношениям американский дипломат Н. Дэвис²⁹. Другие критики договора указывали, что следовало бы склонить Японию к перераспределению мандатов на тихоокеанские острова, что США могли бы воспользоваться финансовой зависимостью Англии и добиться расторжения союза без всяких уступок со своей стороны³⁰.

В конечном счете, как защитники статьи четвертой, выдававшие себя за поборников мира, так и ее критики, выступавшие якобы с позиций «невмешательства», одобрили расторжение англо-японского союза³¹, понимая, что эта мера расчищает путь американской экспансии на Дальнем Востоке.

Хотя статья четвертая и усиливала позиции США на Дальнем Востоке, она имела все же ограниченное значение и далеко не исчерпывала сути договора четырех держав. Первая и вторая статьи (о взаимной гарантии островных владений на Тихом океане и о коллективных мерах в случае угрозы этим владениям со стороны какой-либо пятой державы) имели более широкий характер и были центром тяжести всего договора.

Государственный департамент и правительственная группировка в сенате пытались представить эти статьи второстепенными и незначительными. Докладывая о соглашении четырех на Вашингтонской конференции,

²⁶ См., например, А. Л. Гальперин. Англо-японский союз. М., 1947.

²⁷ FR. 1921, vol. I, p. 71—72. Подробнее об этих переговорах см. А. Л. Гальперин. Англо-японский союз, стр. 345, 356—364.

²⁸ CR. vol. LXII, pt. 1, p. 236.

²⁹ CR. vol. LXII, pt. 3, p. 2925.

³⁰ Ibidem.

³¹ При голосовании статьи в сенате против нее было подано только 8 голосов, хотя группа «непримиримых» составляла приблизительно 30 человек. — CR, vol. LXII, pt. 5, p. 4493.

а затем в сенате, Лодж в лирическом тоне говорил об обеспечении мира для «едва возвышающихся над водой», отдаленных, почти неизвестных вулканических островов, для коралловых рифов, рассыпанных по океану «подобно ожерелью из лилий» и не имеющих серьезного стратегического значения ³².

Однако на деле речь шла о гораздо более важных вещах, и не случайно, что статьи «о коралловых рифах» явились главным объектом ожесточенной полемики в сенате, что именно вокруг них разгорелся спор о принципах внешней политики и о новых планах мировой гегемонии США. В статьях первой и второй была воплощена попытка США урегулировать некоторые противоречия с Японией, Англией и тем самым заложить, хотя бы в рамках Дальнего Востока, основы «Четверной Антанты», руководимой США.

Значение статьи первой о взаимной гарантии «островных владений и островных территорий» на Тихом океане состояло в том, что в ней окончательно фиксировался и получал косвенную санкцию США передел тихоокеанских островов и баз, произведенный в результате первой мировой войны, а вовсе не в том, что обеспечивалась защита американских владений — Филиппин, Самоа, Гавайских островов, островов Гуам, Тугуила и Уэйк, как это официально прокламировалось. Известно, что раздел германских островных владений был произведен в интересах Англии, Франции и Японии. Таким образом, США уступили своим партнерам.

Этот скрытый смысл статьи подтверждается переговорами о распределении мандатов, которые начались еще в 1919 г., продолжались во время Вашингтонской конференции и завершились заключением американо-японского соглашения об о. Яп, совпавшим по времени с подписанием трактата четырех держав.

Как известно, решением Парижской конференции все острова севернее экватора были присуждены Японии, а ее мандат на о. Яп был утвержден (в числе других) Лигой наций 17 декабря 1920 г., несмотря на энергичные протесты США ³³.

В течение всего последующего периода США упорно добивались пересмотра вопроса о германских колониях в Тихом океане ³⁴. При этом вопрос об о. Яп должен был сыграть роль первой пробоины в системе англо-японских мандатов. Характерно, например, что в меморандуме 3 июня 1921 г. государственный секретарь США признал, что, кроме о. Яп, США могут потребовать и любой другой из германских островов, поскольку США имеют «равные права» на германское наследство ³⁵. На Вашингтонской конференции, на совещаниях «большой четверки» (Юз, Бальфур, Вивiani, Като) в декабре 1921 г. Юз заявил, что он требует «открытых дверей и равных возможностей» на всех бывших германских островах, доступа к эксплуатации их естественных богатств, участия в выработке пошлин и тарифов, контроля над средствами связи, согласования вопросов управления островами в специальной конвенции и посылки в США дубликата ежегодного отчета Японии Лиге наций ³⁶.

³² CR, vol. LXII, pt. 4, p. 3550—3557.

³³ FR, 1920, vol. I, p. 132—137.

³⁴ FR, 1921, vol. I, p. 87—142; vol. II, p. 31.

³⁵ FR, 1921, vol. II, p. 288.

³⁶ FR, 1921, vol. I, p. 8—11.—Поскольку Америке, тогда еще в военном отношении сравнительно слабой, было бы трудно удержать за собой территориальные приобретения, удаленные на тысячи километров, США ставили вопрос не о прямом захвате новых больших владений, а об открытии всех бывших колоний Германии для американского капитала и о получении в них отдельных баз, кабельных узлов, утольных станций. США рассчитывали, таким образом, использовать для установления контроля над островами свое наиболее мощное оружие — экономический потенциал.

Значение о. Яп заключалось в том, что это был важный кабельный узел в Каролинском архипелаге (т. е. в центре японских владений), соединенный с Гуамом, Набой, Шанхаем и Менадо и, таким образом, помогавший развивать и контролировать торговые, а возможно, и военные операции в районе Тихого океана.

Уклончивая позиция Англии и Франции, оставивших США наедине с Японией, по главным образом доминирующая идея госдепартамента создать на Вашингтонской конференции руководимый США блок держав заставили Юза поступиться этими требованиями.

В результате произошел явный поворот к компромиссу с Японией. После длительных переговоров двух держав госдепартамент сделал заявление прессе (12 декабря 1921 г.) о том, что достигнуто американо-японское соглашение (соответствующий договор был подписан 11 февраля 1922 г.).

Договор этот предусматривал свободный и равный доступ США к эксплуатации кабелей, идущих через о. Яп, и других средств связи, а также право поселения на острове и приобретения собственности: главное же заключалось в пункте о том, что США соглашались на японское управление подмандатными островами Тихого океана к северу от экватора при условии, что американцы будут пользоваться на них свободой миссионерской деятельности, торговли, инвестиций, а всякое изменение статуса подмандатных территорий будет согласовано с США. В итоге соглашение об о. Яп охватывало гораздо более широкий круг вопросов и в целом означало прекращение американских протестов, связанных с мандатами на Тихом океане.

К подписанному 13 декабря 1921 г. договору четырех была приложена декларация, закреплявшая соглашение о мандатах и как бы разъяснявшая статью первую договора. Она гласила, что в число «островных владений» Японии, упомянутых в договоре, входят и мандатные острова. Это означало повторное признание Соединенными Штатами прав Японии на острова к северу от экватора. Правда, в декларации указывалось, что данное признание не означает принципиального одобрения Америкой проведенного тремя державами распределения мандатов. Эту оговорку госдепартамент внес под влиянием нападок оппозиции. Декларация, как разъяснил Лодж, в отличие от основного и дополнительного текста договора четырех держав, не подлежала ратификации парламентами четырех держав. Она не была обязательной для других стран, а выражала только точку зрения США, точнее американских авторов договора. Таким образом, некоторые оговорки, содержащиеся в декларации, не меняли основного факта: США признали за Японией переданные ей бывшие германские владения.

Когда так называемый договор об о. Яп (фактически о всех мандатах в Тихом океане) был представлен сенату, Рид, Робинсон, Кэрзуэй, Питтмен, Хитчкок и другие изоляционисты с возмущением напоминали, что союзники США по войне — «эти наши братские нации» — отдали Японии тихоокеанские острова, даже не спросив согласия Америки и игнорируя заявки Вильсона.

Наиболее воинственный критик Вашингтонских соглашений сенатор Рид заявил, что в то время как японцы, англичане и французы забрали все германские острова, доля США — некоторые права на ничтожном о. Яп — «только один из маленьких лепестков в ожерелье лилий, окаймляющих океан». За расторжение англо-японского союза, говорил он, «мы платим слишком дорого»³⁷.

Однако оппозиция оказалась в меньшинстве. Ее попытки внести оговорки к соглашению об о. Яп (например, о распространении торговых и других прав американских граждан на все мандатные острова) также были отклонены большинством в 45 голосов (67 против 22)³⁸. Сенат ратифицировал договор об о. Яп.

Тогда «непримиримые» потребовали поставить на обсуждение и ратифицировать декларацию к договору четырех. Тем самым они хотели подчеркнуть несогласие США с распределением мандатов хотя бы в принци-

³⁷ CR, vol. LXII, pt. 1, p. 438; pt. 4, p. 3556.

³⁸ CR, vol. LXII, pt. 3, p. 3194—3195.

не. «Непримиримые», кроме того, надеялись создать возможность в будущем оспаривать это распределение. После новой шумной дискуссии, в ходе которой Лоджу были предъявлены обвинения в неспособностях, невежестве и капитуляции перед Японией, сенат ограничился принятием оговорки, воспроизводившей декларацию и тем самым как бы включавшей ее в число ратифицированных сенатом документов. Оппозиция получила лишь частичное и формальное удовлетворение, но этого оказалось достаточно. Большинство оппозиции — 23 человека — не голосовало против, а только воздержалось при ратификации дополнительного договора четырех³⁹.

Таким образом, в выступлениях сенаторов-изоляционистов явно отразилась острота американо-японских противоречий. Но в конечном итоге сенаторы не оказали серьезного противодействия Лоджу и другим представителям правительственного курса. И те и другие по существу санкционировали уступки, сделанные Японией в статье первой договора четырех держав, в тесно связанном с этой статьей соглашении об о. Яп, а также в декларации, приложенной к договору четырех.

К первой статье Тихоокеанского трактата непосредственно примыкал дополнительный договор четырех держав, составленный в плане урегулирования противоречий с Японией путем известных уступок ей и поддержки ее агрессии.

Этот документ уточнял термин «островные владения и островные территории», безопасность которых взаимно гарантировали четыре державы в статье первой основного договора. Необходимость такого дополнения возникла в ходе работы Вашингтонской конференции. На заседании «большой четверки» (Юз, Вивiani, Бальфур и Като) в доме государственного секретаря 8 декабря 1921 г. Сидехара предложил исключить из понятия «островные владения и островные территории» собственно Японию. Он опасался, что без такого уточнения статья может дать трем западным державам повод для вмешательства во внутренние дела Японии, и ссылаясь на то, что договор не охватывает соответственно территорию Англии или тихоокеанское побережье США.

Однако Юз и Бальфур быстро убедили его в том, что он не понимает собственной выгоды: включение Японии продиктовано отнюдь не желанием создать повод для вмешательства в ее внутренние дела — оно даст Японии поддержку трех других держав в случае войны с Советской Россией, в частности если последняя попытается освободить Северный Сахалин⁴⁰. С этим соглашалась и пресса⁴¹. На следующем заседании, 9 декабря 1921 г., Сидехара согласился на такое толкование статьи первой, которое означало включение собственно японских островов в сферу действия договора.

Таким образом, США пошли настолько далеко по пути сговора с Японией, что вызвали подозрительность и недоверие самих японцев, которых удалось убедить лишь повторными заверениями всех остальных членов конференции. Правительство Гардинга соглашалось защищать Японию в случае нападения на нее и японские владения и даже поддержать ее незаконные притязания на чужие территории.

Однако здесь вмешалась в дело сенатская оппозиция. Чувствительная, как всегда, к любым уступкам странам-конкурентам, она подняла большой шум вокруг вопроса о распространении договора на собственно Японию. Американская пресса выражала бурное возмущение, сенаторы выступали с записками, корреспонденты атаковали глав делегаций на конференции и президента Гардинга, требуя уточнить, действительно ли США дали обя-

³⁹ CR, vol. LXII, pt. 5, p. 4621.

⁴⁰ CR, vol. LXII, pt. 5, p. 18. Сахалин, не входивший в число подмандатных островов, незаконно приравнивался здесь к территории собственно Японии. Позже США уменьшили эту «уступку» Японии чужой территории, согласившись гарантировать ей лишь Южный Сахалин. — FR, 1922, vol. I, p. 43—44.

⁴¹ «New York Times», 15.XII.1921.

зательство «защитить Японию от нападения». Правительство заколебалось. Если в начале декабря все делегации на конференции, в том числе и американская, заявили, что решено включить Японию в число «островных владений», упоминаемых в договоре четырех, то на встрече с корреспондентами утром 20 декабря Гардинг заявил, что термин «островные владения» не охватывает собственно Японию. Однако почти одновременно с этим государственный секретарь Юз заявил корреспондентам, что собственно Япония входит в указанное понятие. Вечером 20 декабря Уоррен Гардинг в своем втором публичном выступлении солидаризировался с Юзом, заявив, что в конце концов все это не имеет большого значения⁴².

Оппозиция в сенате немедленно использовала замешательство правительства. Сенатор Рид потребовал, чтобы противоречивые заявления президента были занесены в стенографический отчет заседаний конгресса «как в интересах истории, так и юмора». Он восклицал: «Ну, что за покладистый человек этот Уоррен! Какое бы толкование ни предлагалось, он на все согласен!». Рид доказывал, что распространение гарантии ненападения на Японию выгодно только японцам и англичанам (для последних важно широкое толкование договора, охватывающее Австралию и Новую Зеландию); имеет место, говорил он, тайный сговор в пользу Японии, настолько секретный, что даже президент не в курсе дел. Ход переговоров скрывают от сената, но пусть хотя бы президенту сообщат точнее, какой договор ему предстоит подписывать! «Если у него нет других средств информации, то пусть он получает новости хотя бы по беспроволочному телеграфу через остров Яп!». «Неужели народ Соединенных Штатов и сенат готовы слепо следовать за людьми, которые подписывают договоры и не знают, гарантируют они целые империи или маленькие острова в Тихом океане?»⁴³.

Давление «непримиримых» сыграло свою роль: 19 декабря 1921 г. и 14 января 1922 г. в двух беседах с Юзом японский посол Сидехара предложил «ввиду нападков прессы..., а также американского сената», интерпретировать термин «островные владения» как исключаящий собственно Японию⁴⁴. В результате новых переговоров 6 февраля 1922 г. был подписан дополнительный договор четырех держав, в котором указывалось, что под термином «островные владения и островные территории» подразумеваются подмандатные архипелаги, острова Пэнхуледао (Пескадорские), Тайвань (Формоза) и южная часть Сахалина.

Несмотря на то, что американское обязательство поддерживать Японию было таким образом сужено, все же статья первая договора четырех и разъясняющий ее дополнительный договор сохранили свое значение серьезной уступки Японии, признания совершенных ею захватов.

Отвечая на нападки «непримиримых», Андервуд откровенно признал, что сделана уступка Японии, но в то же время он оправдывал японскую захватническую политику, говоря, что США и сами «занимают несколько ненормальную позицию» на островах Карибского моря, что «бывают обстоятельства, которые затрудняют уход оккупирующей страны». «Я не склонен безоговорочно критиковать Японию, потому что мы сами заняли некоторые территории силой оружия»⁴⁵.

В этих словах была откровенно продемонстрирована солидарность двух держав на базе колониализма. Изоляционисты в общем приняли эту аргументацию на том основании, что дополнительный договор немного улучшает или по крайней мере не ухудшает дело защиты «интересов Америки», и не голосовали против него⁴⁶.

⁴² FR, 1921, vol. I, p. 38; «New York Times», 21, 22, 23.XII.1921.

⁴³ CR, vol. LXII, pt. 1, p. 628—629.

⁴⁴ FR, 1921, vol. I, p. 37, 42.

⁴⁵ CR, vol. LXII, pt. 5, p. 4609—4611.

⁴⁶ Ibid., p. 4620.

Таким образом, первая статья договора четырех держав и примыкающие к ней декларация и дополнительный договор сводились к урегулированию ряда спорных в американско-японских отношениях вопросов. Это урегулирование закладывало основу союза или блока четырех держав, еще более ясно очерченного в статье второй.

* * *

Вторая статья соглашения предусматривала, что в случае «агрессивных действий» любой посторонней державы четыре договаривающиеся государства будут взаимно консультироваться и созовут конференцию для выработки «наиболее действенных мер».

Защитники договора в один голос утверждали, что под «наиболее действенными мерами» подразумеваются «добрые услуги» США, арбитраж, признание права жертвы нападения прибегнуть к войне, возможные хлопоты по привлечению других стран к решению конфликта; договор якобы предусматривает лишь моральное воздействие на агрессора. Сенатор Андервуд утверждал даже, что в основе статьи лежит «великое учение Христа» об отказе от насилия.

Правительственная группировка усиленно подчеркивала, что договор относится исключительно к островным владениям на Тихом океане, к отдаленному, глухому уголку земли, где не предвидится никаких военных столкновений⁴⁷. Эти утверждения повторялись во всех крупных газетах и журналах.

Однако чувствуя слабость и неубедительность своей аргументации, правительственная группировка предложила от лица сенатской комиссии иностранных дел (председателем ее был Лодж) оговорку: «Соединенные Штаты считают, что ни преамбула, ни условия данного договора не содержат обязательства прибегать к вооруженной силе, военному союзу или помощи в чьей-либо обороне»⁴⁸. Эта оговорка, как видно из ее текста, вовсе не запрещала военные меры четырех держав, а лишь объявляла их не обязательными; кроме того, являясь оговоркой сената, она выражала толкование договора одной стороной — США, вопрос же о том, согласны ли с этим толкованием три другие державы, оставался открытым.

Вот почему оппозиция, несмотря на все маневры правительства, продолжала опасаться, что американская дипломатия пошла на чрезмерные уступки своим партнерам и не обеспечила США командной роли в возможном совместном выступлении четырех держав. Не желая повторения вильсоновского провала, изоляционисты принялись «разоблачать» статью второго соглашения четырех.

В течение пятнадцати бурных заседаний сенаторы Робинсон, Уотсон, Рид и другие доказывали, что статья вторая оформляет военный союз четырех держав. Они приводили для сравнения тексты военных соглашений прошлого, от времен древнего Рима до Священного союза 1815 г. и англо-японского договора 1902 г., в которых, так же как и в договоре четырех, целью союзников объявлялась борьба за мир, противодействие агрессии посторонних держав и т. д. Они высмеивали заявления Лоджа и Андервуда о лирических, христианских и пацифистских мотивах, вызвавших соглашение⁴⁹.

Рассеивая, вольно или невольно, дымовую завесу, созданную правительственной группировкой, изоляционисты показали, что если статья вторая имеет значение только пацифистского эксперимента, если она — «веревка из песка, которая исчезает при первом же прикосновении», если она — всего лишь «приглашение на чашку чая», «нечто меньшее, чем ни-

⁴⁷ CR, vol. LXII, pt. 4, p. 3477; pt. 1, p. 276; pt. 3, p. 2204; pt. 4, p. 3721.

⁴⁸ CR, vol. LX, pt. 5, p. 4496.

⁴⁹ CR, vol. LXII, pt. 1, p. 438; pt. 4, p. 3722.

чего», немного международной болтовни», то договор бессмыслен и непонятно, зачем он вообще понадобился.

Оппозиция утверждала, что, поскольку группировка четырех возникла как расширенный вариант англо-японского союза, естественно, что она сохраняет военный характер, присущий этому последнему. Пункт о взаимной консультации, подчеркивал Рид, неизбежно ведет к совместным действиям, вплоть до военных; он аналогичен уговору двух соседей: если твой дом подвергнется нападению ночью, дай мне знать; если мой дом подвергнется нападению, я дам тебе знать. «Что это может означать, кроме того, что один должен прийти на помощь другому?»⁵⁰.

Отражавшие в своих выступлениях пацифистские настроения фермерства сенаторы Бора и Лафоллет особенно ярко показали агрессивный характер статьи второй. Это, утверждал Бора, «лига для войны, ассоциация для войны», «чтобы господствовать на Тихом океане с помощью силы». Хотя обязательство воевать и не сформулировано в договоре, оно подразумевается, иначе договор не имеет смысла. Война, указывал он, не ограничится Тихим океаном, она неизбежно превратится в мировую, так что речь идет вовсе не о незначительных атоллах⁵¹.

В течение пятнадцати заседаний продолжалась дискуссия о том, учреждает ли договор четырех держав «альянс» (т. е. военный союз). На трибуну были вытащены многотомные справочники, специальные словари, привлечены авторитеты по международному праву и лингвистике. Разумеется, никто из «непримиримых» не ставил своей целью последовательное разоблачение агрессивных замыслов американского империализма. В изображении оппозиции дипломаты США превращались в наивных, миролюбивых и несколько простоватых людей, которые, сами того не подозревая, втягивают страну в войну, идя на поводу у коварных представителей Англии, Японии и Франции. Большинство «непримиримых» изоляционистов, говоря о военном агрессивном характере четверного блока, стремилось предостеречь от такого союза, в котором руководящую роль могли захватить другие державы. Они отражали в своих выступлениях империалистические противоречия, существовавшие между США и их соперниками, и стремились обеспечить лидерство США. Но независимо от целей оппозиции в ходе дискуссии выяснилось, что статья вторая договора создавала замаскированный военный союз четырех держав.

Догадки и аргументы оппозиции нашли полное подтверждение в изданных значительно позднее документах. Так, из появившихся в 1938 г. публикаций государственного департамента, очень неполных, все же видно, что в переговорах Юза с Бальфуром и Сидехара в ноябре — декабре 1921 г. речь шла именно о военном соглашении. Лишь по специальной просьбе Юза согласились опустить фигурировавший в первоначальных проектах термин «альянс» (для смягчения оппозиции в сенате, как объяснил сам Юз). В секретных же переговорах, не отраженных в соглашении, Юз употреблял характерный термин «четверная Антанта». В первоначальном проекте Бальфура фигурировали без всяких объяснений слова «военный союз», которые, однако, были затем зачеркнуты⁵².

Правда, при этом США стремились оставить за собой свободу действий, исключить военные обязательства как непрременную меру против «агрессора»; зная свою сравнительную военную слабость и превосходство в этом отношении других империалистических держав, правительство США выдвигало на первый план экономические методы⁵³. Однако не вызывает сомнений тот факт, что речь шла именно о военном блоке, что возможность совместных военных действий обсуждалась и оставалась открытой. Это подтверждали и газеты всего мира, безо всяких обиняков писавшие о со-

⁵⁰ CR. pt. 4, p. 444.

⁵¹ CR. pt. 1, p. 231; pt. 4, p. 4331.

⁵² FR 1922, vol. I, p. 2, 3, 5—6; J. Vinson. The Parchment Peace, p. 153—154.

⁵³ FR 1922, vol. I, p. 1.

здании «новой Антанты», «Тихоокеанской Антанты», «Четверной Антанты»⁵⁴.

Против кого же был направлен блок четырех держав? Какая пятая держава подразумевалась в статье второй разбираемого соглашения?

Международная обстановка 1921—1922 гг. подсказывала ответ на этот вопрос. В проблемах Дальнего Востока и Тихого океана, кроме четырех держав, были заинтересованы только Голландия (владения в Индонезии), Германия с ее уже сложившейся традицией экспансии в этих районах и, наконец, сами дальневосточные страны, прежде всего Советская Россия и Китай. Что касается Голландии, то она не могла быть объектом мощного военного союза четырех как из-за своей слабости, так и потому, что давно находилась в орбите влияния великих держав, которые успешно проникали в Индонезию и сами пригласили Голландию на Вашингтонскую конференцию. Германия была наголову разбита в первой мировой войне, лишена всех своих владений на Тихом океане и в тот период явно не представляла собой серьезного конкурента для четырех держав. Таким образом, речь могла идти только о Советской России и Китае.

Несмотря на поражение интервенции и вывод войск в 1920 г., монополии США вовсе не перестали интересоваться русским Дальним Востоком. Этот интерес оживился в связи с образованием Дальневосточной Республики. Государственный департамент рассчитывал на превращение ее в капиталистическое государство. В тесной связи с распространенным тогда в буржуазных кругах Запада, особенно Англии, мнением о том, что нэп якобы открывает перспективу перерождения советского строя, США взяли курс на поддержку всеми доступными средствами капиталистических элементов в России. Дальневосточные территории, прежде всего интересовавшие американский империализм, давали, по мнению государственного департамента, особенно много шансов на успех этого курса. Здесь еще не были ликвидированы белогвардейские «правительства», продолжали существовать обломки буржуазных земств, свободно действовали соглашательские партии эсеров и меньшевиков⁵⁵.

Одновременно в отношении революционных сил России проводилась открыто враждебная политика. США возглавляли кампанию непризнания Советского государства, старались помешать англо-русским торговым переговорам. Советские представители, несмотря на неоднократные их протесты, не были приглашены на Вашингтонскую конференцию. Продолжалась оккупация о. Русского близ Владивостока, производились поставки оружия белогвардейцам на Камчатке и в других районах и т. п.

На этом пути происходило сближение США с Японией. Фактическая поддержка организованного Японией в мае 1921 г. контрреволюционного переворота во Владивостоке, дружественные связи с прояпонским меркуловским правительством (переговоры о концессиях, делегация из четырех представителей меркуловцев в Вашингтон в период конференции, поддержка «Приморского правительства» американскими монополиями «Нэйшнл Сити Бэнк», «Гаранти траст компани») — все эти действия указывали на фактическое сотрудничество двух держав в «русском вопросе».

«Sunday Times» в ноябре 1921 г. утверждала: «США склонны предоставить Японии свободу действий в Сибири»⁵⁷. «Japan Times» в конце 1920 г. писала: «Америка должна отнестись с сочувствием к действиям Японии, т. к. Япония силою обстоятельств может оказаться противостоя-

⁵⁴ «New York Times», 12, 13, 22.XII.1921, 1.II.1922 — подборки отзывов из французских, японских и других газет.

⁵⁵ Подробнее об этом см. С. С. Григорьевич. Американская и японская интервенция на Советском Дальнем Востоке и ее разгром. 1918—1922. М., 1957; ЦГАОР, ф. 995, оп. I, д. 9, л. 78—79; ф. 958, оп. I, д. 19, л. 23; д. 9, л. 100; д. 24, л. 42, 101, 154, 198; д. 13, л. 13 и 80; «Weekly Review», 24.VI.1922 (Shanghai).

⁵⁶ ЦГАОР, ф. 958, оп. I, д. 26, л. 42; ф. 1932, оп. 3, д. 54, л. 1, 6, 7, 9, 16—17, 19, 22, 23; ф. 942, оп. I, д. 44, л. 75; д. 47, л. 12а; д. 50, л. 60—66, 80.

⁵⁷ ЦГАОР, ф. 958, оп. I, д. 24, л. 131.

щей большевизму также в интересах Америки и других западных держав»⁵⁸.

В Китае генеральная линия американской политики продолжала определяться принципом «открытых дверей». Этот принцип нашел конкретное воплощение в созданном в 1920 г. международном консорциуме под руководством американского капитала. США были представлены в консорциуме такими монополиями, как «Морган и К°», «Кун, Леб и К°», «Нэйшнл Сити Бэнк», «Гаранти траст К°», «Чэйз Нэйшнл Бэнк» и др. Союз перечисленных монополий с финансовыми группировками Англии, Франции и Японии, оформленный в виде консорциума, объединял все сколько-нибудь значительные интересы держав в Китае и должен был, по мысли американского правительства, превратиться в сверхправительство страны, в котором заправлял бы наиболее сильный в экономическом отношении участник — США.

Однако начиная с 4 мая 1919 г. в Китае под воздействием Великого Октября развивается революционная борьба, имевшая антиимпериалистический характер. В 1920—1921 гг. в стране развернулась кампания против консорциума. Под влиянием всеобщего негодования пекинское правительство вынуждено было отклонить требование представителя Моргана, одного из главных организаторов консорциума, о предоставлении земельного налога, а также доходов от продажи соли, вина, табака в качестве гарантии под будущие займы. Такой шаг, заявил представитель Пекина, вызовет взрыв всенародного возмущения⁵⁹.

США не имели достаточных морских и сухопутных сил для подавления революции в Китае⁶⁰. Вот почему они не только не отказывались от сотрудничества со своими конкурентами, другими державами, но стремились укрепить союз с ними, и прежде всего с Японией, имевшей поблизости от Китая все свои военные силы⁶¹.

Материалы переговоров на Вашингтонской конференции также подтверждают, что в борьбе между прояпонской и антияпонской тенденциями во внешней политике США правительство Гардинга избрало курс на сотрудничество с Японией, надеясь использовать ее войска для подавления революционного движения на Дальнем Востоке (а также и контролировать ее действия в целом). Об этом свидетельствуют решения по «сибирскому вопросу», о КВЖД, переговоры, связанные с шаньдунским вопросом, соглашение девяти держав. Предшествовавшее всем этим резолюциям обсуждение договора четырех, в том числе второй статьи, создало бы базу для упомянутых решений.

В проекте договора, составленном послом Японии Сидехара, предусматривались совместные меры четырех держав не только для защиты их прав на островах Тихого океана, но и в случае, если их «территориальные права или жизненные интересы» в районе Дальнего Востока окажутся под угрозой со стороны пятой державы или «вследствие хода событий»⁶². Когда обсуждался вопрос, включать ли в договор собственно Японские острова, Бальфур отмечал, что невключение затруднит апелляцию Японии к своим союзникам в случае ее столкновения с Россией⁶³. На следующем совещании «большой четверки» Юз истолковал статью вторую намеренного договора таким образом, что любой конфликт, затрагивающий положение на Тихом океане (не обязательно возникающий на островах),

⁵⁸ ЦГАОР, ф. 955, оп. I, д. 29, л. 45.

⁵⁹ FR, 1920, vol. I, p. 664; FR, 1921, vol. I, p. 320, 382; См. также ЦГАОР, ф. 955, оп. I, д. 29, л. 50; д. 15, л. 11; ф. 958, оп. I, д. 26, л. 83 и 118.

⁶⁰ FR, 1921, vol. I, p. 511, 523, 525, 528, 529, 530.

⁶¹ FR, 1921, vol. I, p. 516—517, 527; ЦГАОР, ф. 958, оп. I, д. 9, л. 105—106, л. 22, л. 2.

⁶² FR, 1921, vol. I, p. 4.

⁶³ Ibid., p. 18.

⁶⁴ Ibid., p. 24—25.

Хотя эти материалы не были известны в 1921—1922 гг., общее направление внешней политики правительства Гардинга и международная обстановка на Дальнем Востоке были достаточно ясны, и критики договора совершенно правильно определили смысл статьи второй как оформляющей союз против Советской России и китайского освободительного движения. Так, в феврале 1922 г. на конференции Совета по международным отношениям, специально обсуждавшей вашингтонские договоры, бывший заместитель государственного секретаря Норман Дэвис спрашивал, не будет ли применена статья вторая, если Китай и Россия захотят «восстановить свою территориальную и политическую целостность?» Он указывал, в частности, на возможность интервенции четырех держав в процессе освобождения от японских оккупантов Северного Сахалина⁶⁵.

При обсуждении в сенате также настойчиво подчеркивалось, что применение статьи второй против России и Китая наиболее вероятно. Пора признать, заявил Бора, что, кроме четырех великих держав, есть еще пятая — Россия, которая сможет в конце концов отбить японское нападение и уже поднялась на борьбу. В результате Япония может потребовать — по договору — совместных «наиболее действенных мер» против Советской России и США окажутся «втянутыми» в войну за японские интересы⁶⁶.

Сенатор Франс, незадолго до того побывавший в России, отметил, что борьба русского народа против японских оккупантов даст сколько угодно предлогов для выступления четырех держав, так что США окажутся «втянутыми» в войну. В том же духе выступал сенатор Робинсон⁶⁷.

Эти и многие другие сенаторы, конечно, извращали действительность, представляя США пассивно идущими на поводу у агрессоров. Однако они невольно правильно показали подлинную направленность блока четырех держав. Статья вторая означала помощь японским милитаристам в борьбе прежде всего со Страной Советов. Блок был направлен также против освободительного движения китайского народа.

Эта оценка статьи второй подтверждалась и поведением сторонников договора. Правительственная группировка в сенате уклонялась от боя и долгое время замалчивала вопрос о том, против кого составлен союз четырех держав. Из двух представителей сената, участвовавших в работе Вашингтонской конференции, Лодж просто уходил каждый раз, когда сенатское обсуждение принимало нежелательный характер, а Андервуд ссыдался на свою недостаточную осведомленность. Вынужденный выступить (11 марта 1922 г.), Андервуд противопоставил оппозиции единственный аргумент, заключающийся в том, что за 10 лет (срок действия договора) Россия не подымется из руин, и поэтому якобы война с ней исключена⁶⁸. Этот аргумент был тут же опровергнут оппозицией, поймавшей Андервуда на слове и предложившей вычеркнуть статью вторую, раз она, по его утверждению, имеет просто декоративное значение⁶⁹.

Несмотря на жаркую полемику по статье второй, в конечном счете сами критики договора поддержали его ратификацию в сенате. После бурных сцен, разыгранных «непримиримыми», и весьма вялой обороны со стороны правительственной группировки можно было предположить, что оппозиция провалит договор. Однако голосование неожиданно выявило, что она была очень шумным, но довольно незначительным меньшинством. Все поправки «непримиримых» были отвергнуты (за ту или иную из них голосовало от 10 до 36 человек, против — от 49 до 78 человек). Голосование по статьям основного договора четырех показало, что из «непримиримых», решившихся подкрепить слова действием, проголосовало против не более

⁶⁵ CR, vol. LXII, pt. 3, p. 2925.

⁶⁶ CR, vol. LXII, pt. 4, p. 3613; pt. 5, p. 4327.

⁶⁷ CR, vol. LXII, pt. 4, p. 323, 3237, 3610.

⁶⁸ CR, vol. LXII, pt. 4, p. 3711, 3717—3720.

⁶⁹ CR, vol. LXII, pt. 4, p. 3720.

28 человек (по наиболее спорной статье второй), а иногда эта цифра сокращалась и до 15 человек.

Однако было бы неправильно утверждать, что описанная выше борьба в правящих кругах США имела только демагогическое значение. Дискуссия, развернувшаяся вокруг договора четырех, переросла в полемику об основных методах внешней политики в целом. Оппозиция критиковала договор четырех как возобновление политики Вильсона, как начало новой политики блоков, связывающих США обязательствами, аналогичными тем, которые содержал устав Лиги наций. Исходя из различных побуждений — от противопоставления вильсоновскому методу «сотрудничества» с другими державами в форме блоков метода одностороннего диктата до искреннего стремления некоторых сторонников изоляционизма к миру, — представители оппозиции ставили вопрос об изменении внешнеполитического курса, наметившегося на Вашингтонской конференции. На выступления оппозиции, на их требования большей осторожности во внешней политике не могло не влиять бурное развитие рабочего движения в стране после первой мировой войны. Укрепление международного авторитета Советского государства в связи с поражением интервенции, борьба советского правительства за мир, активно поддержанная пролетарским авангардом во всех странах, оказали несомненное воздействие и на американское общественное мнение. Деятельность делегации Дальневосточной республики в Вашингтоне способствовала выступлениям в США против продолжения японской интервенции в России. Документы, опубликованные этой делегацией, использовались в речах Бора и других представителей оппозиции.

В результате в 1921—1922 гг. среди критиков договора четырех раздавались трезвые голоса, призывавшие к более реалистической по сравнению с правительственным курсом политике в отношении Советской России и оценке международного положения в целом. Критикуя статью вторую, многие представители оппозиции предлагали привлекать к предусмотренным в статье совещаниям четырех держав другие страны, прежде всего Советскую Россию и Китай. Сенаторы Робинсон и Питтмен внесли соответствующие поправки к договору, которые, впрочем, были отвергнуты сенатским большинством. Другие ораторы призывали к восстановлению «традиционной дружбы» с Россией и Китаем, указывали, что подписание договора подрывает авторитет США в этих странах и т. п. Конечно, далеко не все изоляционисты руководствовались при этом подлинно миролюбивыми мотивами. Если такие «непримиримые», как Бора, Лафоллет, продолжали давно уже начатую ими кампанию за невмешательство во внутренние дела других народов и в некоторых выступлениях довольно ясно звучало стремление найти в России рынок сбыта⁷⁰, то все же несомненным оставался факт, что большинство изоляционистов исходило из совершенно иных расчетов. Они призывали содействовать якобы начинавшемуся в связи с напором перерождению советского строя, а в Китае — созданию контролируемого Соединенными Штатами унифицированного правительства. Отражая в своих выступлениях острые противоречия с Японией и Англией, они стремились оставить за США возможность играть роль арбитра в отношениях империалистических держав с Советской Россией и Китаем.

Подводя общий итог, следует подчеркнуть, что договор четырех держав выходил далеко за рамки объявленной в нем цели — соглашения о безопасности второстепенных островных владений на Тихом океане. Расторжение англо-японского союза было важным, но не главным его пунктом. Заложенная в договоре возможность военного выступления против Советской России и Китая превращала его в документ отнюдь не локального, но широкого, мирового значения. Договор был одним из звеньев в

⁷⁰ См., например, «New York Times», 16.XII.1921.

целом неудавшегося, временно отложенного плана создания «Ассоциации наций» под руководством США и обнаружил постоянство основных целей внешней политики американского империализма, независимо от того, какая партия или группировка стояла у власти. Стремление к «руководству миром» оставалось главным курсом и после так называемого «поворота» 1920—1921 гг. от «вильсонизма» к «изоляционизму».

Важно отметить, что основной замысел договора четырех так и не был реализован: договор не превратился в исходную позицию для создания под руководством США «Ассоциации наций». Вашингтонская система, основанная на империалистических принципах изоляции Советской России, борьбы против революции в Китае, сколачивания блока сильнейших капиталистических держав, начала разрушаться уже вскоре после своего создания, а к середине 30-х годов была полностью ликвидирована. Вместе со всей системой вашигтонских соглашений потерял свое значение и трактат четырех держав. Таким образом, дальнейшая судьба договора подтвердила бесплодность курса американских монополий на завоевание мировой гегемонии, показала несостоятельность антисоветской политики, проводившейся реакционными кругами США.

